

Н. Н. МОЛЧАНОВ

Генерал де Голль

<Фрагменты>

<...>

<...> В 1932 году де Голля переводят из штаба в Бейруте снова в Париж. В отличие от Бонапарта, который, вернувшись некогда из этих же мест, совершил переворот 18 брюмера¹, де Голль занял скромное место секретаря Высшего совета национальной обороны² — постоянного органа при премьер-министре, занимавшегося подготовкой государства к войне. Но это все же повышение, новый шаг в карьере де Голля, тем более что вскоре, в 1933 году, он получил чин подполковника.

Теперь де Голль по своему положению оказался гораздо ближе к людям и учреждениям, решавшим судьбу Франции. Он получает возможность судить о государственных мероприятиях по обороне страны не только на основании газетных сведений или разговоров с коллегами; теперь ему доступны важнейшие секретные документы, планы, решения. Все это представляло для него огромный интерес, и он полностью отдается новому делу. В Высшем совете национальной обороны он работает с 1932 по 1937 год, за исключением непродолжительного периода пребывания в Центре высших военных исследований³, который в армии называли «школой маршалов».

Де Голль занимается изучением различных политических, технических и административных проблем обороны страны. Ему поручают разработку мероприятий по мобилизации администрации, промышленности, коммунальных служб на случай войны. Он даже участвовал в разработке планов разоружения и безопасности, которые Франция вносила в Лигу наций⁴. Известно,

с каким скептицизмом, если не презрением, относился он к этим планам. Особенно много времени и сил у него ушло на проект закона об организации государства во время войны. Ему пришлось переделывать этот проект десятки раз. «Выполнение этих обязанностей, — вспоминал де Голль, — участие в совещаниях, общение с различными политическими деятелями позволили мне убедиться в огромных возможностях нашей страны, но в то же время и в немощи ее государственного аппарата».

История подготовки закона об организации страны во время войны особенно многому научила де Голля; он занимался этим делом больше шести лет. А впервые проект этого закона был составлен еще в 1923 году. В марте 1927 года палата депутатов одобрила его, но сенат внес поправки. Закон вернулся опять в палату, где получил одобрение, и вновь сенат внес поправки. Проект был похоронен. И вот де Голлю предложили обновить проект, что он и сделал. Однако в разгар экономического кризиса никто не хотел им заниматься. Тогда де Голль решил прибегнуть к своему обычному способу и привлечь внимание общественности. В январе 1934 года он опубликовал в журнале «Ревю милитер франсэз» статью «Экономическая мобилизация за границей». Но понадобилось еще полтора года всевозможных согласований, чтобы можно было внести проект в парламент, который после долгих проволочек одобрил его только в 1938 году, всего лишь за 18 месяцев до начала войны...

Но это был еще исключительно удачный исход дела по сравнению с полной безрезультатностью всех попыток подготовить французскую армию к той войне, которую, как становилось все очевиднее, ей неизбежно придется вести. Теперь, когда де Голль мог с близкого расстояния наблюдать действие (вернее, бездействие) французского военного аппарата, он с горечью убеждался, что Франция снова отстает на одну войну. Военные руководители мыслили исключительно понятиями войны 1914–1918 годов, тем более что они носили с гордостью лавры победителей. Состав французского генерального штаба оставался стабильным с 1919 года. Во главе армии все еще находились дряхлые полководцы прошлой войны. Маршал Петэн был вице-председателем Высшего военного совета до 1931 года, потом его сменил Вейган, а после него вплоть до разгрома 1940 года этот пост занимал Гамелен⁵. Живя только воспоминаниями о прошлой войне, они совершенно произвольно формулировали ее уроки.

Тщательно скрывалась цена, в которую обошлась Франции победа; книги о войне подвергались особой цензуре. Например, мало кому было известно, что французская пехота потеряла убитыми и ранеными 70 процентов своего состава, тогда как германская — 40 процентов. Прошлую войну французская армия встретила с лозунгом «наступление любой ценой». Теперь она готовилась к «обороне любой ценой». Внешне все выглядело усвоением уроков прошлой войны. Но это была фикция, ибо условия резко изменились. И та и другая тактика оказалась губительной для Франции. Де Голль справедливо полагал, что нет ничего более опасного для нации, чем боязнь свободного обсуждения итогов последней войны.

С 1921 года Петэн упорно и успешно добивался строительства линий укреплений вдоль северо-восточной границы Франции. Но границу с Бельгией не укрепляли. Когда в 1934 году Петэн стал военным министром в правительстве Думерга⁶, он немедленно приказал прекратить работы по строительству некоторых укреплений на франко-бельгийской границе. Арденны непроходимы, уверял старый маршал.

Любое предложение оснастить армию новейшей техникой отвергалось. Даже простая моторизация объявлялась вредной. Генеральный инспектор кавалерии и член Высшего военного совета генерал Брекар⁷ назвал план механизации двух дивизий «опаснейшей утопией». Авиация создавалась в расчете на оборону. Почти не строили бомбардировщиков, а о штурмовиках и не думали. Танки считали пригодными только для поддержки пехоты. Они были распылены по разным частям, тихоходны и вооружены слишком легкими пушками. Артиллерия могла действовать лишь с заранее подготовленных позиций и не годилась для маневренных и наступательных действий. Не заботились о самом элементарном. В начале войны обнаружилась нехватка револьверов, обуви, одеял. Армия могла быть готова к войне только в 1942 году.

Поскольку до 1939 года Франция не выходила из жестокого финансового кризиса, все правительства одобряли бездействие генералов: ведь так армия требовала меньше денег. Да и те средства, которые отпускались, расходовали самым непостижимым образом. 66 процентов шло на жалованье офицерам, 10 процентов — на содержание солдат и только 24 процента использовалось на обеспечение армии вооружением и прочим.

Петэн, Вейган и другие обшитые золотыми галунами старцы представляли себе будущую войну в виде спокойного выжидания неминуемого краха Германии от блокады и истощения. Французской армии, укрывшейся за бетоном «линии Мажино»⁸, придется лишь выдержать неприятную скуку терпеливого наблюдения за развалом Германии. Главное — драться как можно меньше.

Такая военная доктрина обрекала на пассивность и изоляцию дипломатию Франции. Ее союзники на востоке — Польша, Чехословакия, Югославия и другие, — как становилось все яснее, обречены были стать первой жертвой Германии. Но поскольку Франция заявляла, что не собирается выводить свои войска в будущей войне за пределы собственных границ, то на какую помощь со стороны Франции могли они рассчитывать? «Малая Антанта»⁹ рушилась. Стратегия политической и военной пассивности содержала в себе еще одну, особенно роковую для Франции ошибку, которую сразу почувствовал де Голль. «Мне казалось, — вспоминал он позже, — что тем самым мы отдаляем Россию от союза с нами...»

Работа в качестве секретаря Высшего совета национальной обороны позволяла де Голлю все это увидеть и понять. Но что касается возможностей действовать, то при скромном служебном положении подполковника они были очень ограничены. Разумеется, удавалось немного улучшить тот или иной проект, несколько ускорить его продвижение, как это было с законом об организации государства во время войны. Но подобные мелкие успехи, не касавшиеся главного, что волновало де Голля, не могли удовлетворить его. Он мечтал о делах совсем иного размаха. Ясно, что надо было действовать. Ведь до сих пор в своих статьях, книгах он лишь выдвигал идеи, притом самого общего характера, шла ли речь о французской военной доктрине или о сущности и роли войны, армии, полководца, как в книге «На острие шпаги». Даже если бы к де Голлю прислушивались внимательнее, немедленных реальных последствий этих довольно абстрактных замыслов ожидать было трудно. Де Голль сознавал неотложную необходимость выдвижения иных, более конкретных практических предложений. Но каких? Ответ на этот вопрос невозможно было получить от людей, окружавших его на службе. Вокруг маршала Петэна и ему подобных царил атмосфера угодничества. Их взглядами, которые де Голль совершенно не разделял, полагалось только восхищаться.

Но с 1932 года, когда де Голль вернулся в Париж, он получил возможность общаться с людьми иного круга. Подполковник Люсьен Нашен¹⁰, симпатию и доверие которого он уже приобрел давно, познакомил его с одним странным, но очень интересным человеком. Это был 80-летний отставной офицер Эмиль Мейер¹¹. Когда-то он учился в одном лицее с Жоффром, а его товарищем по Политехнической школе был Фош¹². Но если они стали маршалами и попали в разряд великих полководцев, то Мейер остался до конца дней скромным подполковником. Это было вполне закономерно, ибо Мейер отличался оригинальностью взглядов, необычайной образованностью и честностью. Свою карьеру он начал «портить» еще в 1895 году, когда открыто заявил, что не верит в виновность Дрейфуса¹³. А вскоре этот офицер опубликовал брошюру «Довольно армий, довольно войн!» Нетрудно представить, как отнеслось начальство к его выходкам. В 1917 году он попытался выручить своего друга Люсьена Нашена, попавшего в плен к немцам, и написал письмо начальству немецких лагерей для военнопленных, в котором просил освободить Нашена. Чтобы польстить немцам, он в своем письме превозносил «величие души немецкого народа». Французская военная цензура, конечно, письмо задержала, и Мейер снова имел неприятности. Вот так он «делал» свою военную карьеру. Но этот человек жил в сфере духовных интересов. В молодости его другом был один из видных представителей французской буржуазной мысли XIX века — Ипполит Тэн¹⁴. Он поддерживал близкие отношения с крупнейшими писателями, политическими деятелями. С ним переписывался, например, Роже Мартен дю Гар¹⁵, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Человек необычайной интеллектуальной любознательности, он стал военным теоретиком и журналистом. Множество статей вышло из-под его пера, и некоторые из них отличались поразительной прозорливостью. В 1903 году, когда официальная французская военная мысль вынашивала планы наступления любой ценой, он предсказал, что война будет позиционной и мощь огня сделает очень трудными активные наступательные операции. Не от него ли Петэн и заимствовал свое преклонение перед превосходством артиллерии? В свое время именно благодаря таким взглядам будущий маршал внушил уважение молодому де Голлю.

Де Голль произвел на Мейера сильное впечатление своим твердым характером, непоколебимостью убеждений, принципи-

альностью и стремлением к действию. Старик сразу привязался к этому необычному офицеру, резко выделявшемуся из военной среды независимостью суждений и поведения. Люсьен Нашен познакомил де Голля и с другими интеллигентами, военными и гражданскими. Образовался кружок, душой которого был Эмиль Мейер, а его центром постепенно становился де Голль. Вот так появились, можно сказать, первые голлисты.

Вся эта компания собиралась каждый понедельник в кафе Дюмениль, напротив вокзала Монпарнас. Де Голль часто приглашал их к себе на улицу Сен-Франсуа-Ксавье. Долгие беседы велись в салоне зятя Мейера Гринбаум-Баллена в его квартире на бульваре Босежур. Это общество на протяжении шести лет будет своеобразным духовным убежищем де Голля. Здесь он проверял верность своих мыслей, делая их предметом обсуждения, узнавал много нового. Особенно большое значение для него имело его общение с Эмилем Мейером, который, по мнению Жана Лакутюра¹⁶, явился, «быть может, единственным, кроме Андрэ Мальро¹⁷, кто оказал прямое влияние на сознание и жизнь Шарля де Голля». Лаку-тюр утверждает также, что именно в беседах Мейера и де Голля родилась идея создания профессиональных бронетанковых вооруженных сил, идея, которая станет вскоре боевой программой де Голля.

Вообще-то мысль об этом носилась в воздухе. Оснащение армий новой техникой и в связи с этим революционные изменения в тактике, оперативном искусстве и в самой стратегии были неизбежным следствием промышленного развития и новых технических достижений. Де Голль хорошо знал военную историю и мог назвать множество сражений далекого прошлого, в которых рыцарская конница творила чудеса. Высокая степень неуязвимости делала ее всеокрушающим тараном. Теперь вместо лошади есть мотор, а вместо лат и шлемов — броня. Танки — вот оружие, призванное сыграть решающую роль. Именно они спасут Францию.

Де Голль давно понял, что Франция не сможет соперничать с будущим противником, то есть с Германией, количеством войск, поскольку ее население значительно меньше. Более того, именно в 30-х годах Франция переживала невиданный демографический упадок. Перед первой мировой войной рождалось 830 тысяч человек в год, а в 30-х годах — 620 тысяч. Умирать стало больше людей, чем рождалось. Если век назад французы составляли одну

шестую населения Европы, то теперь — одну шестнадцатую. Необходимо компенсировать этот трагический упадок французских людских ресурсов. Словом, какие бы стороны проблемы безопасности Франции ни обсуждали де Голль и Эмиль Мейер, они неизменно приходили к выводу о необходимости создания мощной, подвижной, ударной, но немногочисленной армии. Все подводило к мысли о танках.

Де Голль внимательно следил за военной литературой, за практикой разных армий. И всюду он находил подтверждение правильности своей гипотезы. Еще в первой мировой войне англичане успешно использовали отдельный танковый корпус. Английский генерал Фуллер¹⁸ и военный теоретик Лиддел Гарт¹⁹ уже в те годы активно выступили за самостоятельное использование крупных бронетанковых соединений.

Попытки такого же рода предпринимались и во Франции, несмотря на пренебрежительное отношение к танкам со стороны военного руководства. Генерал Этьен²⁰ 17 апреля 1917 года направил впереди пехотных батальонов специально созданное им танковое соединение. После войны в 1920 году генерал Этьен предложил создать армию в 100 тысяч человек, способную проходить 80 километров за одну ночь. Ударной силой этой армии должен был служить корпус в составе 4 тысяч танков и 20 тысяч человек. Генерала Этьена называли в армии «отцом танков». В 1928 году генерал Думенк²¹ предложил высшему командованию проект создания бронетанковой Дивизии. Он не был принят. Правда, в 1933 году в лагере Сюип собрали из разных частей ядро легкой танковой Дивизии. Но она была предназначена лишь для разведки и охранения.

Однако о широком и самостоятельном использовании танковых соединений французское верховное командование не хотело и слышать. Составленная в 1921 году под руководством Петэна «Временная инструкция по тактическому использованию крупных соединений» действовала до сих пор. В этом боевом наставлении говорилось, что пехота является главной ударной силой, что ее наступлению должен «предшествовать, поддерживать его и сопровождать огонь артиллерии при возможной помощи со стороны танков и авиации». Категорически приказывалось рассматривать танки лишь в качестве силы, поддерживающей пехоту. Это была тактика войны 1914–1918 годов.

Между тем в Германии подходили к делу совершенно иначе. Германские боевые уставы предусматривали самостоятельные

действия танковых соединений, которые должны полностью использовать свое преимущество в скорости передвижения и в огневой мощи.

Де Голль считал, что медлить с проведением в жизнь его новых идей недопустимо, ибо он с каждым днем все больше убеждался в близости войны. И он энергично берется за разработку своих замыслов. Понимая, что предлагать их в рамках военной иерархии было бы наивно, он решил открыто выступить перед общественностью.

<...>

Шарль де Голль вступает в свое первое настоящее сражение. Некоторые участники встреч в кафе Дюмениль предупреждают, что он должен выбирать между карьерой и своей «миссией». «Коннетабль» предпочел быть человеком идей, а не золотых галунов. Не колеблясь, в одиночку он повел наступление. Его противники — Гитлер и... французский генеральный штаб!

Де Голль садится за новую книгу, в которой он намерен изложить свой план и свои идеи. Но время не ждет, и он сначала публикует 10 мая 1933 года статью, причем на этот раз не в военном официальном журнале, а в «Ревю политик э парламантэр»²².

Жизнь развивается стремительно, пишет он, сейчас преступно растрчивать время на пребывание людей в казармах. Современная техника возвращает качеству прежнее превосходство над количеством. Отныне и на земле, так же как на море и в воздухе, отборный персонал, извлекающий из могучего оружия максимум возможного, может уже в самом начале войны добиться превосходства над врагом. Он подчеркивает, что выделение лучших, ударных войск — давняя традиция французской армии со времен великого короля Филиппа-Августа²³. Суть своего замысла де Голль выражает словами поэта Поля Валери: «Специально отобранные люди, Действуя группами в неожиданном месте в неожиданный момент, в кратчайший срок произведут сокрушающий эффект».

Де Голль заканчивает такими словами: «Прогресс и традиция требуют от Франции ради общего блага воссоздать элиту. Подобное усилие обойдется, конечно, не Дешево, ибо этот корпус должен всегда отвечать требованиям изменений в технике. Однако его обновленная мощь, его юный престиж щедро компенсируют затраты. Ведь столетнему дереву терпкий сок несет не только обещания, но и тревогу. Увы, разве можно достичь обновления без самоотречения? В бессмертной музыке Грига мы слышим

глухую меланхолию, прорывающуюся в фанфарах радости чудесного весеннего пения».

Все, что выходит из-под пера де Голля, обязательно носит отпечаток личных эмоций. И здесь требование «самоотречения» явно адресовано им прежде всего самому себе...

Ровно через год, в мае 1934 года, Берже-Левро выпускает в свет книгу де Голля «За профессиональную армию». Посвященная вопросам стратегии и тактики, многочисленным техническим деталям формирования танковой профессиональной армии, книга тем не менее написана с обычным для ее автора литературным блеском. Хорошо зная цену художественного слова, де Голль предпочитает приводить в тексте или в эпиграфах не скучные формулы военных теоретиков, а слова поэтов, писателей, философов. Среди них литераторы Анатоль Франс²⁴, Морис Метерлинк²⁵, Жан Ришпен²⁶, Альбер Самэн²⁷, Жорж Дюамель²⁸; мыслители Блез Паскаль, Франсуа Ларошфуко, Георг Гегель. Но это не только не заслоняет сурового, даже грозного смысла книги, но усиливает ее своеобразный драматизм.

В первой главе «Заслон» де Голль, ссылаясь на мысль Наполеона о том, что «политика государства заключается в его географии», прежде всего характеризует географическое положение Франции. «Грозная брешь» на ее северо-восточной границе открывает удобные пути вторжения, на которых отсутствуют какие-либо географические препятствия. Де Голль предсказывает, что в предстоящей войне территория Бельгии будет использована для вражеского нашествия. Затем он сравнивает национальную психологию и традиции «двух рас»: галлов и германцев, показывая причины неудержимой экспансии Германии и обычной неподготовленности Франции, которую война всегда застает врасплох. Он считает, что в будущей войне судьба Франции может решиться одним трагическим для нее ударом. Из всего этого де Голль делает следующий вывод: «Настало время, когда наряду с армией, комплектуемой за счет массы резервистов и призывников, составляющей основной элемент национальной обороны, но требующей много времени для сосредоточения и введения в действие, необходимо иметь сплоченную, хорошо обученную маневренную армию, способную действовать без промедления, то есть армию, находящуюся в постоянной боевой готовности».

Во второй главе «Техника» де Голль описывает закономерность и необходимость механизации армии. Ее эффективное использо-

вание требует профессиональной подготовки солдат, аналогичной подготовке инженеров и техников в передовых отраслях промышленности. Однако, такая подготовка невозможна в условиях существовавшего тогда во Франции одногодичного срока военной службы. К тому же, как с горечью замечает де Голль, «уже говорят о сроке службы в восемь месяцев, ожидая в дальнейшем его сокращения до шести или четырех». Он делает вывод, что при существующей системе невозможно научить солдата владеть новейшей техникой. Он характеризует далее боевые возможности техники, особенно восторженно отзываясь о танках. Эта глава, включающая основные положения опубликованной им ранее статьи, показывает, что эффективность техники требует высокой квалификации тех, кто ею управляет, а следовательно, их многолетней службы в армии.

Третья глава «Политика» раскрывает неразрывную связь между внешней политикой и военной организацией. Хотя Франция не намерена добиваться территориальных приобретений, защиту ее национальных интересов нельзя обеспечить только оборонительной техникой. Армия должна быть способна оказывать поддержку союзникам в любой части Европы. «Сколько крови и слез, — пишет де Голль, — стоила нам ошибка Второй империи, допустившей разгром Австрии при Садовой²⁹ и не двинувшей свою армию на Рейн!.. Следовательно, мы должны быть готовы действовать за пределами нашей страны и в любых обстоятельствах. Создание профессиональной армии, предназначенной для превентивных и репрессивных действий, — необходимое условие проведения успешной внешней политики, торжества принципов коллективной безопасности, которая может быть обеспечена только при опоре на силу».

Сравнивая затем экономический и промышленный потенциал Франции и Германии, он показывает превосходство последней. Точно так же обстоит дело и с людскими ресурсами. «На одного француза в возрасте от 20 до 30 лет приходится два немца, два итальянца, пять русских... Предстоящие французские победы еще долго не будут победами больших батальонов». Следовательно, необходимо компенсировать относительную слабость Франции специальной организацией ее армии.

Четвертая глава «Состав» содержит детальную конкретизацию идеи профессиональной армии. Эта армия численностью в сто тысяч человек состоит из семи дивизий, до предела оснащенных

техникой, особенно танками. Де Голль подробно разработал структуру армии, распределение ее личного состава, организацию различных вспомогательных служб. Армия должна быть укомплектована добровольцами, срок службы которых составил бы шесть лет. В дальнейшем эти отборные кадры могут быть использованы в качестве младших офицеров в основной части армии, состоящей из призывников.

В пятой главе «Использование» де Голль излагает свои планы практических действий его идеальной армии для прорыва прочной обороны противника. Он рисует картину стремительной переброски в течение одной ночи больших танковых соединений, одновременное наступление 3000 танков на фронте шириной в 50 километров, взаимодействие ударных сил с вспомогательными частями мотопехоты, с авиацией и артиллерией. Темп наступления — 50 километров за день боя. После прорыва обороны, пишет де Голль, «откроется путь к великим победам, которые по своим далеко идущим последствиям сразу же приведут к полному разгрому противника... Таким образом тактика перерастает в стратегию, что некогда являлось конечной целью военного искусства и верхом его совершенства...»

В последней, шестой главе «Командование» де Голль анализирует изменения в управлении войной в связи с созданием профессиональной ударной армии. Личность командира приобретает теперь несравненно большую роль. Если раньше он мог руководить боем, находясь в надежно укрытом командном пункте, то теперь он должен быть впереди, в гуще борьбы. Только так он может руководить боем, темпы которого приобретают небывало стремительный характер. Здесь встречаются положения о роли личности, перекликающиеся с мыслями, высказанными де Голлем в книге «На острие шпаги». Вообще книгу в целом отличает ее преемственность с идеями, которые и раньше выдвигал де Голль.

Но кто же должен осуществить предложенную реформу? Де Голль ясно дает понять, что он не возлагает никаких надежд на руководство самой армии в связи с его косностью, отсталостью, с его глубокой враждебностью ко всему смелому и новому. Де Голль категорически заявляет, что преобразование армии — задача государства. И вот здесь начинается неопределенность. Если в отношении организации будущей профессиональной армии он рассчитал все, вплоть до роли каждого батальона, то в вопросе реализации его проекта много неясного. В самом деле, он

не обращается ни к одной из существовавших тогда во Франции многочисленных политических партий, ни к одному из видных политических деятелей. Он надеется на государство вообще. Между тем именно государство де Голль считал тогда ответственным за упадок армии, за ее неподготовленность к войне. В своих «Военных мемуарах» он пишет, что «командные кадры, лишенные систематического и планомерного руководства, оказались во власти рутины». Резко критикуя тогдашнюю военную доктрину пассивности, он подчеркивает, что она «соответствовала самому духу режима». Как же можно было надеяться, что этот режим, который де Голль считал глубоко порочным, сможет провести столь серьезную реформу? Де Голль, правда, добавляет, что для этого понадобился бы еще и человек, подобный Лувуа³⁰ или Карно³¹.

Лувуа, министр Людовика XIV, вошел в историю как организатор коренной военной реформы, создатель регулярной армии, которую он снабдил новейшим оружием. Он, в частности, сформировал отборные ударные полки, вооруженные вместо старых мушкетов более скорострельными ружьями. Его имя связано также с «драгонадами», с расправами над протестантами. Лазарь Карно — необыкновенно талантливый и энергичный организатор, полководец и ученый времен Великой французской революции и Наполеона. В годы революции его легендарная деятельность принесла ему почетную репутацию «организатора победы».

Причем успех деятельности Лувуа обеспечивала абсолютная власть Людовика XIV. Карно же опирался на могучие народные силы, пробужденные революцией. Во Франции середины 30-х годов нашего века ничего подобного не было. К тому же нет никаких признаков того, чтобы де Голль считал кого-либо из современных ему политических или военных деятелей способным сравниться по своим личным качествам с Лувуа или Карно. Пожалуй, допустимо предположение, что де Голль намекал на самого себя.

Наконец, в книге «За профессиональную армию» содержалось нечто такое, что выходило далеко за пределы разбираемого в ней конкретного вопроса, что может рассматриваться в качестве первого откровенного и ясного Намерения де Голля добиваться не только реформы армии, но и преобразования всего французского государства. Он заявлял, что военная реформа — лишь часть, элемент перестройки политической системы страны. «Вполне естественно, — писал он, — что национальное обновление следовало начать с реорганизации армии. В упорных

усилиях по обновлению Франции ее армия служила бы ей подспорьем и примером. Ибо меч — это ось мира, и величие страны неотделимо от величия ее армии».

Неопределенные фразы об «обновлении» государства выглядели довольно загадочно. Дело в том, что третья книга де Голля вышла в момент общего авторитарного поветрия и возникновения фашистского движения во Франции. Тяготы экономического кризиса породили массовое недовольство городской и сельской мелкой буржуазии. На этой социальной почве ожили старые и расплодился новые организации фашистского типа, вдохновлявшиеся успехами аналогичных движений в Германии и Италии. Среди многочисленных профашистских групп, лиг, организаций, союзов и т. п. наибольшим влиянием пользовались «Боевые кресты» полковника де ла Рока³², старая «Аксьон франсэз» Шарля Морраса³³, а также движение бывших фронтовиков.

6 февраля 1934 года они пытались захватить Бурбонский дворец, где заседала палата депутатов. Произошли кровавые столкновения между фашистами и полицией. Но главной силой, остановившей фашизм, был рабочий класс во главе с компартией. Фашистская опасность толкнула социалистов к сотрудничеству с коммунистами. Острейшая борьба между фашистами и левыми продолжалась вплоть до войны, воплотившись затем в дуэль между Виши и Сопротивлением.

Распространяются идеология яростного антипарламентаризма, стремление «обновить» государство и трескучий шовинизм. Эти идеи в определенные моменты звучали явно в унисон с настроениями де Голля, отразившимися в его последней книге. Собственно, еще предыдущая работа «На острие шпаги» вызвала положительные отклики со стороны деятелей «Аксьон франсэз», этих поборников «интегрального национализма», так напоминавшего национализм де Голля. Однако некоторое сближение с организацией Шарля Морраса оказалось значительно слабее его недоверия к ее громогласному «патриотизму». К тому же де Голль стремился к политической независимости и не хотел связываться с какой-либо партией или группировкой.

Это не значит, что он предпочитал все более влиятельные левые партии. Коммунисты, социалисты, радикалы, составившие коалицию Народного фронта, на парламентских выборах 1936 года получили абсолютное большинство депутатских мандатов. К власти пришло правительство Народного фронта во главе с Леоном

Блюмом³⁴. Трудящиеся добились серьезных социальных уступок, таких, например, как 40-часовая рабочая неделя и оплаченный отпуск. Буржуазия, естественно, реагировала на это крайне нервозно. Что касается де Голля, то он тоже отрицательно отнесся к Народному фронту. Интересно, что в своих мемуарах он не высказывает ни слова осуждения фашистских групп типа «Боевых крестов». Однако Народный фронт он с неприязнью именуется «комбинацией». Де Голль считал, что социальные реформы замедлят военное производство, ослабят усилия по подготовке к войне, усилят раскол, противоречия внутри нации. Консервативный социальный инстинкт всегда будет сказываться в его поведении не менее сильно, чем убежденность в доминирующем значении национального фактора.

Итак, политическая линия де Голля в момент острейшего внутривнутриполитического кризиса оказалась несомненно правой, хотя и независимой от каких-либо определенных партий и группировок. В очень общей форме она отразилась в книге «За профессиональную армию», где невозможно обнаружить какие-либо демократические тенденции. Словом, не принимая идей какой-либо политической партии, де Голль в политике постепенно вырабатывал взгляды, которые в будущем получат название голлизма. Во всяком случае, он отрицательно относился к фашизму, крайности которого его шокировали. Тем более что нацизм в облике Германии ассоциировался тогда с угрозой безопасности Франции, что для него важнее всего. В конечном итоге он не считал важным, какая партия, какие деятели будут проводить в жизнь план создания профессиональной бронетанковой армии.

Пока план существует на бумаге, правда уже в виде небольшой книги, напечатанной в нескольких тысячах экземпляров. Продано было только 750. «Моя книга «За профессиональную армию», — пишет де Голль, — вызвала некоторый интерес, но не породила ни малейшего энтузиазма». Да, во Франции случилось именно так. По злой иронии судьбы книга, однако, имела успех там, где Де Голль добивался его меньше всего, — в Германии. Там книгу быстро перевели, и она нашла гораздо больше читателей, чем на родине автора. Советники Гитлера доложили ему о книге, и он ознакомился с ней. Книгу с большим вниманием прочитали и извлекли из нее практические выводы германские генералы Кейтель³⁵, Браухич³⁶ и особенно генерал

Гейнц Гудериан³⁷, самый активный поборник массового применения танков, автор известной книги «Внимание, танки!». Правда, нельзя сказать, что книга де Голля оказалась для немцев неожиданным открытием. Ее основные идеи высказывались разными людьми и раньше. Де Голль лишь систематизировал их в применении к конкретным условиям и изложил в очень впечатляющей форме. В это время вышла книга австрийского генерала фон Эймансбергера³⁸ «Война бронированных машин», которая во многом перекликалась с книгой де Голля и также привлекла внимание в гитлеровской Германии. Немцы собирались воевать всерьез и энергично готовились к этому, не пренебрегая ничем. Кстати, забегая вперед, следует отметить, что разработанная де Голлем организация танковой дивизии в основном совпадает с методами комплектования типичных танковых соединений времен второй мировой войны.

Филипп Баррес³⁹ (сын писателя Мориса Барреса, о котором речь уже шла) в книге о де Голле, рассказывая о своей беседе с Риббентропом в конце 1934 года, приводит такой диалог: «Что касается линии Мажино, — откровенничал гитлеровский дипломат, — то мы прорвем ее с помощью танков... Наш специалист генерал Гудериан подтверждает это. Я знаю, что такого же мнения придерживается ваш лучший технический специалист». «А кто наш лучший специалист?» — спросил Баррес и услышал в ответ: «Голль, полковник де Голль. Это верно, что он так мало известен у вас?»

Действительно, нет пророка в своем отечестве! Если книга де Голля и была здесь замечена, то сразу же и отвергнута. Через месяц после ее выхода в свет, 15 июня 1934 года, в палате депутатов в связи с утверждением военных ассигнований выступил Эдуард Даладьё⁴⁰, который был военным министром в четырех кабинетах. Влиятельный лидер партии радикалов имел репутацию крупного знатока военных вопросов. Не называя прямо де Голля и его книгу, он явно полемизировал с ней. Указав на опыт 1914 года, он решительно отверг идею каких-либо наступательных действий и превозносил достоинства оборонительной тактики, опирающейся на «линию Мажино». «Наш выбор, — говорил Даладьё, — сделан давно, и он состоит в том, что мы предпочитаем организовать оборону в бетоне, с мощной системой автоматического оружия, грозную эффективность которого для атакующих войск показала война».

Затем на страницах журнала «Ревю де де монд»⁴¹ против де Голля выступил и генерал Вейган, занимавший до января 1935 года пост начальника генерального штаба. Считая, что план де Голля ведет к разделению армии на две части, он заявил: «Две армии? — Ни в коем случае!» По его мнению, уже существующие средства армии достаточны: «Мы имеем механизированный, моторизованный и кавалерийский резерв. Заново создавать нечего, ибо все уже имеется». Фактически Франция имела тогда только одну легкую моторизованную дивизию в Реймсе.

Позднее, выступая на конных состязаниях в Лилле, генерал Вейган говорил: «Я думаю, что французская армия обладает сейчас такими замечательными качествами, каких она никогда не имела в своей истории: она владеет оружием высшего качества, первоклассными укреплениями, великолепным моральным духом и замечательным высшим командованием... Если от нас потребуют добиться новой победы, мы ее добьемся...»

В свою очередь, генерал Гамелен, сменивший Вейгана на посту начальника генерального штаба, утверждал: «Я не верю в теории полковника де Голля. Эти теории не отличаются мудростью. Они не реалистичны... Они подобны мгновенной вспышке сухой соломы».

В момент выхода новой книги де Голля военным министром в правительстве Думерга был его давний покровитель маршал Петэн. Как же он отнесся к плану создания ударной бронетанковой армии? Ведь его позиция могла иметь решающее значение для успеха или неудачи де Голля. Но за годы, прошедшие с тех пор, когда младший лейтенант восхищался самостоятельностью взглядов своего начальника, многое изменилось. Стал Другим Петэн. Видимо, не зря в его личной карточке в отделе учета кадров еще до 1914 года была сделана такая запись: «Не продвигать выше бригадного генерала».

Уже в начале 20-х годов де Голль убедился в ограниченности и косности маршала. Правда, хорошие отношения между ними пока сохранялись, хотя они становились все менее доверительными и сердечными. После 1927 го-Да де Голль перестал бывать в доме Петэна. Однако его назначение в 1932 году в Высший совет национальной безопасности не обошлось без протекции Петэна.

Выход в свет книги «За профессиональную армию» возмутил Петэна, и именно он инспирировал выступления видных военных против теорий де Голля. Правда, подполковника еще приглашали

на обеды, которые маршал устраивал в «Кафе де Пари». Причем они все больше отдалялись друг от друга не только из-за расхождений по чисто военным вопросам. Маршал на старости лет ударился в политиканство самого дурного пошиба. Он заигрывает с французскими фашистами, встречается с полковником де ла Рокком, который одно время служил под его началом. Фашисты открыто называют Петэна своим кандидатом в диктаторы. Кроме того, используя разные официальные церемонии, он устанавливает связи с видными гитлеровцами, явно выражает симпатии фашистским диктаторам. Что касается де Голля, то патриотические настроения побуждают его, вопреки его консервативным взглядам, сближаться с антифашистами.

Окончательный разрыв с Петэном произошел из-за истории с новой книгой де Голля «Франция и ее армия», вышедшей в 1938 году. Книга, отразившая специфическое понимание де Голлем истории и роли армии, показывала, что армия на протяжении веков воплощала душу Франции и ее будущее. «Это было, — пишет де Голль в мемуарах, — моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к родине накануне катастрофы». Основой книги послужили материалы по истории французской армии, подготовленные де Голлем еще в 1925 году по указанию Петэна. Получив предложение издательства опубликовать работу, де Голль написал Петэну, спрашивая его разрешения на публикацию труда, написанного некогда под эгидой маршала. Тщеславный старик соглашался на это только при условии, если он будет фигурировать либо соавтором, либо главным вдохновителем книги. Это вполне соответствовало давней традиции, существующей не только во Франции, по которой!высокое начальство считает естественным присваивать себе литературные лавры за произведение, вышедшие из-под пера подчиненного. Но в данном случае коса нашла на камень, которым оказался характер Шарля де Голля. Существует несколько версий этого конфликта. Например, ла Горе, один из самых авторитетных биографов де Голля, пишет: «Петэн потребовал права подписать книгу в качестве ее автора. Де Голль, написавший ее один, не согласился с этим и отказался от посвящения, в котором он хотел благодарить Петэна, позволившего ему предпринять этот труд. Специальная комиссия исторической службы армии рассматривала спор и признала правым де Голля».

Маршал Петэн с бешенством говорил о «неблагодарности», «бессердечии» де Голля, демонстративно отказывался с ним разговаривать во время разных официальных встреч. Впрочем, де Голль не оставался в долгу. В это время как раз шли разговоры о формировании нового правительства, в котором военным министром намечался Петэн. Де Голлю предлагали место статс-секретаря в этом же министерстве. Резко отклонив предложение, он сказал о Петэне: «Не доверяйте ему, этот двуличный человек опасен...»

С 1934 года и вплоть до войны маршал Петэн резко возражал против предложений де Голля. В предисловии к книге генерала Шовена⁴² «Возможно ли еще вторжение?» он объявлял вражеское вторжение невозможным: «Укрепленный фронт по линии Мажино делает более прочным европейское равновесие». Что касается бронетанковых сил, то Петэн писал: «Что могло бы произойти в случае продвижения большой массы танков в парижский район?.. Войск, переброшенных на грузовиках, и нескольких танков будет достаточно для предотвращения возможного вторжения германских бронированных соединений». Он утверждал также, что «прямое участие вражеских воздушных сил в сражениях является иллюзией».

Де Голль отчетливо понимал, что подобное ослепление высшего военного руководства грозит Франции страшной катастрофой. Поэтому он с таким упорством и вел свой крестовый поход за создание ударной танковой армии. Де Голль уже давно испытывал презрение к таким институтам французской политической жизни, как парламент и депутаты, правительство и министры и, конечно, пресса и журналисты. И вот теперь он обивает пороги у этой публики. Огромная фигура «Коннетабля» маячит в грязных коридорах редакций, он терпеливо ждет приема у редакторов, приглашает журналистов на завтраки и обеды, просит посмотреть его рукописи и даже молча выслушивает высокомерные поучения. Не раз он наталкивался на грубые отказы, подвергался унижениям, особенно болезненным для такого человека, как он. Но ради своей цели он шел на все, лишь бы Франция была спасена!

В конце концов де Голлю удалось заинтересовать своими идеями нескольких журналистов, которые начали активно пропагандировать его планы. Так, Андре Пиронно⁴³, редактор «Эко де Пари», — опубликовал 40 редакционных статей, разъяснявших

идеи де Голля. В газете «Тан» их активно защищал его бывший товарищ по плену в Ингольштадте Реми Рур. Статьи в поддержку создания бронетанковой армии появились в «Журналь де деба», «Ордр», «Об» и в других газетах. Разумеется, верные единомышленники Люсьен Нашен и Эмиль Мейер тоже не жалели своих сил и напечатали немало статей в разных журналах. Де Голлю удалось добиться поддержки даже со стороны некоторых генералов, таких как Баратье, Кюньяк, Дюваль, также выступивших в печати.

Но поклонники «линии Мажино» отнюдь не складывали оружия. Контрнаступление проводилось гораздо более широким фронтом, поскольку оно опиралось на официальную поддержку. «Фигаро» печатала, например, такие статьи: «Танки не являются непобедимыми», «Слабость танков». «Меркюр де Франс» писал: «Немцы с присущим им наступательным духом, естественно, должны иметь танковые дивизии. Но миролюбивая Франция, перед которой стоят оборонительные задачи, не может быть сторонницей моторизации». Некоторые газеты и журналы превратили де Голля в мишень для насмешек и издевательств. Его сравнивали с королем Юбю, персонажем сатирической комедии, олицетворявшим эгоизм и тупость. Вот как это выглядело на страницах одного солидного журнала: «Стремясь оставаться в рамках учтивости, весьма затруднительно оценить идеи, которые граничат с безумием. Скажем прямо, господин де Голль с его современными идеями имеет предшественника в лице короля Юбю, который, также будучи великим стратегом, уже давным-давно предвосхитил его мысль. «Когда мы вернемся из Польши, — говорил он, — мы благодаря нашим познаниям в области физики изобретем ветряную машину, способную перевозить всю нашу армию»».

План де Голля подвергся нападкам не только со стороны слепых защитников официальной военной доктрины. Его резко критиковали и в лагере левой оппозиции. Заявление де Голля в книге «За профессиональную армию» о том, что армия должна стать орудием обновления государства, а также неопределенность названия книги давали некоторое основание для подозрений. Широко распространилось мнение, что план де Голля может привести к созданию своего рода преторианской гвардии, способной превратиться в орудие реакции, мечтающей о фашистской диктатуре. Многие истолковывали его план в том смысле, что речь

идет о ликвидации массовой армии из представителей народа и замене ее кастой наемников, хотя де Голль имел в виду сохранить обычную массовую армию из призывников, лишь усилив ее отборным ударным корпусом в 100 тысяч военных, получивших профессиональную подготовку. Лидер социалистической партии Леон Блюм в конце 1934 года опубликовал в газете «Попюлер» серию статей, проникнутых подозрениями и тревогой. Среди них фигурировали статьи: «Нужна ли нам профессиональная армия?», «Долой профессиональную армию!».

Однако газетная полемика практически ничего не давала, поэтому де Голль мечтал приобрести поддержку в парламентских кругах. Но как проникнуть в этот совершенно чуждый для него мир, скрытый за колоннами Бурбонского дворца? Такие возможности все же представились благодаря тому же Эмилю Мейеру. В июне 1934 года на квартире у его зятя Гринбаум-Баллена де Голль познакомился с молодым человеком по имени Жан Обюртен⁴⁴, который был сыном одного из многочисленных друзей хозяина дома и имел связи в политических кругах. Уже в первой беседе де Голль сумел убедить Обюртена в преимуществах своего плана. Собеседники пришли к заключению, что в этом же надо убедить кого-нибудь из известных политических деятелей. Решили, что таким деятелем может быть Поль Рейно⁴⁵. Обюртен взялся вручить ему экземпляр книги «За профессиональную армию» с дарственной надписью автора и договориться о том, чтобы он принял подполковника де Голля.

Поль Рейно, способный адвокат, выходец из богатой семьи, видный член парламента, сидевший на правых скамьях «умеренных», считался специалистом по финансам. Он был уже членом нескольких кабинетов и показал себя энергичным и способным политиком, часто выступавшим сторонником активной внешней политики, направленной на укрепление позиций Франции. Правда, ему не хватало решительности, последовательности и самостоятельности. Он никогда не мог противостоять, например, влиянию своей любовницы графини ла Порт, энергичной дамы со связями, простиравшимися от финансовых кругов до сторонников фашизма. Во всяком случае де Голлю Поль Рейно казался политиком с большим будущим. Этот юркий человек с лицом восточного типа, известный под кличками «Мышонок Микки», «Комар» и т. п., восполнял свой маленький рост огромным политическим честолюбием. Де Голль произвел на него впечатле-

ние, и он сразу обещал ему свою поддержку. В книге «Военная проблема Франции» Рейно пишет о де Голле: «Когда он пришел ко мне в 1935 году и изложил свой проект бронетанкового корпуса, я почувствовал вдруг зарождение надежды на спасение Франции». Все заставляет предполагать, что чувства Рейно носили несколько более практический характер; проект де Голля можно было эффективно использовать для своей политической карьеры. А де Голля интересовал лишь вопрос о судьбе его плана, и он охотно взял на себя труд написать для Рейно текст его речи в парламенте.

15 марта 1935 года во время дебатов по вопросу об увеличении срока военной службы до двух лет Поль Рейно выступил в палате депутатов с изложением проекта де Голля. Его речь была пересказом основных идей и аргументов, содержащихся в книге «За профессиональную армию». «Французская проблема, — говорил опытный оратор, — заключается в том, чтобы создать специализированный корпус, способный дать сокрушительный отпор всякому нападению. У нас есть политика; мы должны иметь армию для этой политики. А эта политика выражается во взаимопомощи и международном сотрудничестве. Уж не думают ли, что взаимопомощь может ограничиться пассивной обороной нашей территории, в то время когда господин Гитлер будет прогуливаться вдоль и поперек Европы?»

Речь имела успех, и вскоре Рейно внес проект закона о «Немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной моторизованной дивизии, резервов общего подчинения и служб». Эта армия должна комплектоваться за счет личного состава, поступающего на службу по контракту, и должна быть полностью приведена в готовность не позднее 15 апреля 1940 года.

Законопроект передали, как полагается, в комиссию палаты депутатов по вопросам вооруженных сил. Эта комиссия, после обычных проволок, естественно, захотела узнать мнение компетентных и ответственных военных органов. Вследствие этого в докладе по внесенному законопроекту появилось сокрушающее утверждение, что реформа армии «бесполезна, нежелательна и противоречит логике и истории». Законопроект был похоронен. Такой исход дела нетрудно было предвидеть, ибо еще 15 марта 1935 года, когда Поль Рейно поставил в палате вопрос о создании ударной бронетанковой армии, военный министр Морэн⁴⁶ в ответ на это заявил: «Как можно думать о наступательной тактике, ес-

ли мы израсходовали миллионы на строительство укрепленного барьера? Надо быть сумасшедшим, чтобы выйти за пределы этого барьера и ввязаться в немыслимую авантюру».

Собственно, в высших военных кругах на де Голля и смотрели как на сумасшедшего, если не хуже. Маршал Петэн, генералы Вейган, Морэн, а также генералы Жорж⁴⁷, Претела⁴⁸, Дюфью⁴⁹, то есть все высшее руководство армии, относились к нему с откровенной педантичной злобой. Их раздражала его начинавшаяся известность, его независимость. «Журналист», «политикан», «интриган» — говорили по его адресу. Однажды на заседании Высшего совета национальной безопасности генерал Морэн заявил: «Прощайте, де Голль! Там, где нахожусь я, вам больше не место!» Морэн собирался отправить де Голля служить на остров Корсику. Однако, как вспоминает де Голль, «генерал Морэн лишь пугал меня громом; у него хватило великодушия не поражать меня ударами молний».

Но де Голлю от этого «великодушия» было не легче, ибо его план формирования ударной армии несколько не приблизился к осуществлению. Это казалось ему тем более возмутительным, что события с роковой методичностью подтверждали его наихудшие опасения.

Не прошло и года со дня захвата власти Гитлером, как его агрессивная программа, откровенно изложенная в «Майн кампф», начинает осуществляться. В октябре 1933 года Германия демонстративно уходит из Лиги наций.

В 1934 году начинается подготовка к захвату Австрии. В июле фашистами убит канцлер Дольфус⁵⁰. В октябре в Марселе под пулями фашистского убийцы пали французский министр иностранных дел Барту⁵¹, пытавшийся оживить планы коллективной безопасности, и югославский король Александр⁵². Заменивший Барту Лаваль⁵³ начинает открыто помогать фашистским лидерам Германии и Италии готовить мировую войну. В январе 1935 года он способствует передаче Гитлеру Саарской промышленной области⁵⁴, находившейся по Версальскому договору под французским контролем. Власть Гитлера внутри Германии и его международные позиции укрепляются. В марте 1935 года он восстанавливает всеобщую воинскую повинность. В октябре Муссолини, заручившись согласием Лавала, нападает на Эфиопию. В марте 1936 года германские войска занимают рейнскую демилитаризованную зону силами всего лишь нескольких бата-

льонов. Стоило Франции, на что она имела полное право, послать хотя бы одну дивизию, и гитлеровская авантюра кончилась бы крахом, в результате которого Гитлер вряд ли удержался бы у власти. Но Франция не пошевелила пальцем, ограничившись печально знаменитым заявлением Альбера Сарро⁵⁵: «Мы не оставим Страсбург под прицелом германских пушек». Был упущен благоприятный момент предотвратить новую войну. Де Голль считал, что будь у Франции танковые дивизии, то одного лязга их гусениц и гула моторов было бы достаточно, чтобы поставить крест на этой и всех будущих авантюрах Гитлера.

Но грозные события следуют одно за другим нарастающей лавиной. Мятеж Франко в Испании ставит под угрозу тыл Франции. В ущерб своим очевидным национальным интересам Франция предает Испанию и позволяет Франко с помощью Гитлера и Муссолини уничтожить Испанскую республику. В 1938 году следует аншлюс Австрии, затем Мюнхен и выдача Гитлеру на растерзание союзника Франции — Чехословакии. Не оказывая никакого противодействия агрессорам, Франция приближалась к катастрофе.

А де Голль находится в положении пророка, которому откликнулись события, тогда как люди остались глухими. Но он упорно продолжает свой крестовый поход за танки, как ни ничтожны его шансы на успех. Он все время старается подтолкнуть Поля Рейно, для которого идеи де Голля стали важным средством усиления политического влияния. Из других правых депутатов его план активно защищает ле Кур Гранмезон⁵⁶, член парламентской комиссии национальной обороны. Известные политики Александр Мильеран⁵⁷, Жозеф Поль-Бонкур⁵⁸, Камил Шотан⁵⁹ склоняются к поддержке плана де Голля.

Вопреки своим консервативным политическим симпатиям де Голль ищет поддержки левых, правда отнюдь не самых левых, деятелей. Он хотел, чтобы мелодия звучала «на разные голоса», лишь бы они были погромче. Левый католик, антифашист, сторонник Народного фронта Филипп Серр⁶⁰ произносит в парламенте пламенные речи в защиту профессиональной армии. Социалист Лео Лагранж⁶¹ также становится ее сторонником. Де Голль особенно рассчитывал на способности бывшего социалиста Марселя Деа. Но он превратился вскоре в самого отъявленного гитлеровца.

Правда, сторонники военной реформы подчас связывали с ней идеи, абсолютно чуждые де Голлю. Филипп Серр вдохновенно

говорил о создании одновременно «армии Жореса и армии Лувуа». Лувуа, да, но при чем здесь Жорес, мечтавший о народной армии социалистической Франции? Все же де Голль идет на сближение с антифашистскими силами. Патриотизм объединяет его с ними. Незадолго до войны он становится членом кружка «Друзья, Тан презан»⁶², левого католического издания антифашистского направления. Разумеется, это отнюдь не означает, что он усваивает гуманистические и пацифистские элементы идеологии своих союзников слева. Поставив перед собой задачу спасения Франции, он считает возможным использовать для ее достижения любые средства. Во всяком случае, связи де Голля с его политическими союзниками, их выбор вызывают резкую критику со стороны многих его военных коллег, находившихся под влиянием «Аксьон франсэз».

Де Голль со скептической неприязнью отнесся к социальному и политическому подъему, выдвинувшему Народный фронт. Но он заметил и оценил его динамизм и антифашистскую природу. «В этой обстановке, — вспоминал де Голль, — наличествовал, как мне казалось, определенный психологический элемент, позволявший покончить с пассивностью. Вполне естественно было предположение, что в условиях торжества национал-социализма в Берлине, господства фашизма в Риме, наступления фалангизма на Мадрид Французская республика пожелает перестроить как свою социальную структуру, так и свою военную организацию».

Сторонники де Голля, прежде всего Эмиль Мейер, сумели устроить так, что в октябре 1936 года его пригласил Леон Блюм, лидер социалистов и глава правительства Народного фронта.

В этот день де Голль испытывал чувство горького удовлетворения: сбылось еще одно из его мрачных пророчеств. Бельгийский король, поняв, что надеяться на Францию нельзя, объявил о разрыве союза с нею. А ведь Петэн, уповая на этот союз и бельгийские укрепления, не допустил продления до моря «линии Мажино». Правда, Гитлер дал королю новую «гарантию» неприкосновенности его границ, которая, по выражению одного французского депутата, больше всего «походила на смертный приговор».

И вот де Голль входит в кабинет премьера. Навстречу ему поднимается, вздрагивая обвисшими седыми моржовыми усами, высокий (правда, не такой, как сам де Голль), тощий старик в очках. Что касается впечатления Блюма о де Голле, то он описывал его так: «Я вижу человека, входящего со спокойной непри-

нужденностью, даже невозмутимостью, рост, фигура, широкие плечи которого выражали что-то гигантское. Манера, с какой он представился и пристально рассматривал меня в упор, его медленный и размеренный голос — все говорило о том, что он мог быть охвачен только одной идеей, одной верой, поглощавшей его до конца так, что все остальное уже не принималось в расчет... Клемансо является крайним выражением темперамента этого типа; мизантропия не мешала ему думать о полезных результатах какой-либо деятельности, от которой ничто не может его отвлечь, поскольку она жизненно необходима для него...»

Блюм своим тонким, каким-то детским голосом сразу стал уверять де Голля, с каким большим интересом он относится к его планам. «Однако, — резко ответил де Голль, — вы против них боролись». «Когда становишься главой правительства, — объяснил Блюм, — взгляд на вещи меняется». Затем речь зашла о том, что будет делать Франция, когда Гитлер двинется в Австрию, Чехословакию, Польшу. «Очень просто, — с сарказмом говорил де Голль, — в зависимости от обстоятельств, мы призовем людей либо из резерва первой очереди, либо из запаса. А затем, глядя сквозь амбразуры укреплений, будем безучастно созерцать, как поработают Европу».

«Как! — с испугом воскликнул Блюм. — Разве вы сторонник того, чтобы мы направили экспедиционный корпус в Австрию, в Бельгию, в Польшу?»

«Нет! — отвечал де Голль. — Но если вермахт будет наступать вдоль Дуная или Эльбы, почему бы нам не выдвинуться на Рейн? Почему бы нам не войти в Рур, если немцы пойдут на Вислу? Ведь если бы мы были в состоянии принять такие контрмеры, то, несомненно, одного этого было бы достаточно, чтобы не допустить агрессии. Но при нашей нынешней системе мы не в состоянии двинуться с места. И наоборот, наличие танковой армии побуждало бы нас к действию. Разве правительство не чувствовало бы себя увереннее, если бы заранее было к этому готово?»

Социалистический лидер, известный своей «стратегией синтеза», то есть примирения непримиримого, любезно соглашался: «Было бы, конечно, прискорбно, если бы нашим друзьям в Центральной и Восточной Европе пришлось стать жертвами вторжения. Однако в конечном счете Гитлер ничего не добьется, до тех пор пока не нанесет поражения нам. А как он может это сделать? Вы согласитесь с тем, что наша система, мало при-

годная для наступательных действий, блестяще приспособлена для обороны... Во всяком случае, наша оборонительная линия и фортификационные сооружения смогут обеспечить безопасность нашей территории».

«Нет ничего более сомнительного, — отвечал де Голль. — Уже в 1918 году не существовало непреодолимой обороны. А ведь какой прогресс достигнут с тех пор в развитии танков и авиации! В будущем массированное использование достаточного количества боевых машин позволит прорвать на избранном участке любой оборонительный барьер. А как только брешь будет проделана, немцы смогут при поддержке авиации двинуть в наш глубокий тыл массу своих быстроходных танков. Если мы будем располагать танками в равном количестве, все можно исправить, если же нет — все будет проиграно».

Леон Блюм заявил де Голлю, что приняты решительные меры и на создание самолетов и танков отпущены дополнительно большие средства. Де Голль объяснил Блюму, что танки предназначены для сопровождения пехоты и таким образом огромные средства не дают главного — самостоятельной отборной танковой армии. Поэтому деньги летят на ветер. «Как используются кредиты, ассигнованные военному министерству, — заявил премьер-министр, — это дело Даладье и генерала Гамелена». «Несомненно, — отвечал де Голль. — Однако я позволю себе заметить, что за состояние национальной обороны отвечает правительство».

Хотя во время беседы де Голль только и делал, что опровергал мнение премьера, Блюм все же любезно сообщил ему, что был бы рад видеть его в ближайшем окружении военного министра. Блюм не успел уточнить свое предложение, как де Голль резко отверг его, сославшись на то, что он уже назначен в Центр высших военных исследований и что в течение срока его стажировки там он не может принять другого назначения. Видимо, перспектива служить под непосредственным началом Даладье, этого ярого противника Военной доктрины де Голля, совсем ему не улыбалась.

Беседа сурового подполковника и премьер-министра продолжалась долго. Одновременно Блюм то и дело хватал трубку и отвечал на телефонные звонки. Раз десять его отрывали для решения каких-то мелких парламентских и административных дел. Прощаясь с де Голлем, Блюм безнадежно махнул рукой и устало сказал: «Судите сами, легко ли главе правительства

придерживаться вашего плана, если он и пяти минут не может сосредоточиться на одном и том же!»

Глава правительства показался де Голлю беспомощным, задроганным человеком, не способным на решительные действия, что, в сущности, было абсолютно верно. Ведь хотя Блюм на этот раз и выразил сочувственное отношение к планам де Голля, он ровно ничего не смог сделать, чтобы преодолеть сопротивление противников этих планов. Де Голль давно разочаровался в тех, кто возглавлял военную иерархию, поняв непреодолимость их тупого упорства в защите своих устаревших представлений. Теперь, познакомившись с миром высокой политики, он не перестал презирать профессиональных политических деятелей с их нерешительностью, страхом за карьеру, безответственностью и беспринципной изворотливостью. Однако среди них попадались люди, сумевшие понять обоснованность его планов и даже готовые поддержать их, в то время как французская армия в лице ее прославленных полководцев отвергала с порога явно целесообразные с военной точки зрения предложения. Интересно, что Блюм, попав в фашистскую тюрьму после разгрома Франции, написал мемуары, в которых он признал своей большой ошибкой то, что он не поддержал в свое время де Голля. «Возможно, — писал он, видимо, переоценивая и его план, и свою ошибку, — войны удалось бы избежать, если бы была осуществлена система де Голля».

Она не была осуществлена. Де Голль ничего не добился. Упрекать его самого за провал плана бронетанковой ударной армии нельзя; он делал все, что можно, и даже многое из того, что в его положении согласно обычному представлению делать нельзя. Когда, по всеобщему мнению, у него уже не оставалось никаких шансов на успех, он все же продолжал борьбу с упорством и верой Дон Кихота. Видно, не зря карикатуристы изображали его верхом на Россинанте. Своей высокой тощей фигурой де Голль внешне действительно напоминал традиционный образ знаменитого рыцаря. Но только ли внешне? С одной стороны, он нашел во многом очень верное средство укрепления безопасности Франции, он ясно предвидел ход событий, проявив при этом исключительную трезвость, глубину мысли и чувство реализма. Но его прозорливость в военных делах, в оценке внешнеполитических перспектив Франции сочеталась с удивительной на первый взгляд слепотой в понимании характера и смысла того официального

военно-политического курса, который служил препятствием на пути создания бронетанковой ударной армии.

Он объяснял этот курс «слепотой политического режима, занятого всякими пустяками», «обстановкой невероятной апатии» и «глубочайшим национальным самоотречением». В действительности «слепота», «апатия», «самоотречение» были лишь внешним покровом глубоко классового характера буржуазной политики. Петэн, Вейган и другие люди устарелых военных взглядов гораздо лучше выражали эту политику, чем самоуверенный малоизвестный подполковник с его новыми и смелыми идеями. Поэтому он совершенно закономерно оказался изолированным от родственной ему социальной среды, в которой националистический дух начала века окончательно уступил место классовому страху, затемнявшему разум. Может быть, де Голлю следовало энергичнее добиваться поддержки в другом лагере, среди левых, выразивших теперь патриотические и антифашистские настроения народа? Но в тех условиях это оказалось невозможным для человека столь консервативного склада. Только какие-то совершенно исключительные обстоятельства могли заполнить пропасть, отделявшую его от народа. А для этого время еще не наступило.

В безуспешной борьбе де Голля за военную реформу впервые обнаружился смысл драмы его жизни. Он часто будет одиноким, изолированным даже от тех, кому он не только не изменял, но, напротив, служил необычайно верно. Пока это приносило ему лишь разочарование и горечь поражений. Другой повернул бы к конформизму, сулившему успешную карьеру, но, конечно, исключавшему особую судьбу, без которой де Голль не видел для себя смысла в жизни. Вот почему неудача в борьбе за танки не поколебала его решимости оставаться самим собой.

<...>

